СОДЕРЖАНИЕ

От составителя. Слова и деяния. Читая Гайдара 6

Раздел I. Восток и Запад

Две цивилизации 21
Долгая история. Историко-экономические очерки . . 49
Сотворение Европы. Часть первая 111
Сотворение Европы. Часть вторая 149
Заметки по военной истории 188
Богатые и бедные 215
Образованные и здоровые 251
Очерки смутных времен 296

Раздел II. Особость России

Особость России. XI–XX века. Часть первая 342
Особость России. XI–XX века. Часть вторая 368
Индустриализация и исчерпание ресурсов социалистического роста в СССР и Китае 403
Уроки СССР 433

Раздел III. Россия снова на перепутье

Выход в мир 472
МВФ и Россия 483
Стратегия нового века 492
Экономический рост и человеческий фактор 498
Российские реформы. Мифы и реальность 522
Построить Россию 539

Вместо послесловия. Прямая речь. Из интервью Егора Гайдара 567

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ. СЛОВА И ДЕЯНИЯ. ЧИТАЯ ГАЙДАРА

В этой книге мы собрали статьи выдающегося российского экономиста и политика Е. Т. Гайдара, опубликованные в разных изданиях 1990-х и 2000-х годов и показывающие суть и логику его философско-исторического подхода, его ценности и приоритеты в сложнейшем процессе перехода России к демократии и рыночной экономике. Основываясь на собственном опыте участия в большой политике и на впечатляющей базе трудов российских и зарубежных экономистов, историков, социологов, опираясь на обширный статистический материал, он описывает проблемы «догоняющего развития», неотрывность российской истории и ее «высокой цивилизации» от европейской, анализирует развилки и разрывы на путях модернизации России.

Иным может показаться несвоевременным обращение к журнальным статьям Е. Т. Гайдара конца XX и первого десятилетия XXI века, однако мы убеждены, что это не так.

«Мы живем в „долгом времени“, — сказал как-то Егор Гайдар на обсуждении его книги, — и процессы, в которых мы принимаем участие, вольное или невольное, не сегодня начались и не завтра окончатся».

Будущее не пугало его, хотя, несомненно, тревожило. Он не считал его предопределенным, скорее рассматривал вероятность того или иного возможного сценария развития истории в будущем. Гайдар говорил журналистам: «Я не делаю прогнозов, я оцениваю риски». Он видел позитивный вариант будущего в открытости миру и всемерной интеграции в сложное содружество государств, прежде всего стран европейской культуры, к которым относил и Россию, хорошо

понимая при этом анамнез ее исторического развития. Он считал тупиковым путь автаркии и нового варианта изолированной «восточной деспотии», описанию особенностей которой посвящены важные тексты этой книги.

Как человек предусмотрительный, не слишком надеясь на понимание современного ему общества, он хотел объясниться с будущим поколением. Торопясь, писал книги и статьи, давал сотни интервью, ясных и открытых, говорящих сами за себя.

Эта книга собрана из статей, появление которых в журналах («Вестнике Европы» и других) предшествовало выходу его книг; некоторые из них разворачивались потом в книги. Мысли, идеи и факты, изложенные в этих статьях, были основой его культурно-исторического мировоззрения, всей его деятельности.

Нам представляется важным сейчас, когда обострились связанные с «цивилизационным выбором» проблемы, проявлявшиеся и 30, и 20 лет назад, вспомнить о философском, историко-культурном, идеологическом обосновании гайдаровских реформ и вообще проекта «Строительство новой России»; заново перечитать эти тексты.

Какую страну демократы-реформаторы хотели построить в России, первой провозгласившей суверенитет, что стало детонатором распада Советского Союза?

Каков был замысел и каков план этих работ? И был ли план?

На эти вопросы Гайдар откровенно и обстоятельно отвечал еще в 1991 и 1992 годах, выступая перед народными депутатами Съезда и Верховного Совета РСФСР, и потом, до конца жизни.

* * *

Многие журнальные публикации Гайдара представляют собой авторские варианты глав будущих его главных книг — «Долгое время», «Гибель империи», «Смуты и институты». Может

возникнуть вопрос — зачем издавать сейчас ранние редакции текстов, когда есть полные тексты книг?

Нам кажется, что смысл в этом есть. Во-первых, журнальные авторские редакции в сравнении с книгами носят характер более публицистический, ориентированный не столько на профессионалов, сколько на широкий круг образованных читателей, отнюдь не экономистов или социологов. Во-вторых, в журнальном варианте он публиковал, по сути дела, дайджесты и сконцентрированные в них главные для автора мысли и примеры. Книжные и журнальные тексты не тождественны. Автор внимательно следил за откликами на журнальные публикации, иногда уточнял свою аргументацию в книгах. В последующих академических изданиях это можно будет показать, сравнивая тексты.

* * *

«Сила и плотность» мысли и текста, неповторимое своеобразие устной, но по стилю письменной речи, подспудная эмоциональная окрашенность, казалось бы, сухого профессионального языка обратили на Гайдара внимание уже после публикации первых статей и годовых обзоров в «Коммунисте» и блестящих выступлений в 1991–1992 годах в Верховном Совете РСФСР.

В августе–сентябре 1994 года он написал небольшую работу «Государство и эволюция» (вышла в начале 1995 года — 30 лет назад). К ней он пришел, получив уникальный 13-месячный опыт реформатора, не за страх, а за совесть «исполняющего обязанности» премьер-министра.

Первая часть этой работы, «Две цивилизации», давшая название нашему сборнику, содержала краткий обзор мировой истории — от неолита до современности. В истории человечества Гайдар вычленил две основные линии: раз за разом воспроизводящаяся «восточная деспотия» (или «аграрная империя») и «античная аномалия», идущая от древнегреческого полиса, в котором зародилась и окрепла идея

демократии, человеческой свободы и собственности, основанной на праве.

Особое внимание автор уделил судьбе российской цивилизации, развивавшейся на стыке принципиально различных социальных миров.

Анализируя, со ссылками на Маркса, «азиатский способ производства», Гайдар пишет: «Отсутствие полноценной частной собственности, нераздельность собственности и административной власти при несомненном доминировании последней, властные отношения как всеобщий эквивалент, как мера любых социальных отношений, экономическое и политическое господство — часто деспотическое — бюрократии — вот определяющие черты восточных обществ»[1].

Написано вроде бы про древние восточные государства. Но звучит остро публицистически и, увы, и через 30 лет актуально:

> Система, когда собственность и власть неразделимы, причем власть первична, а собственность вторична, имеет несколько важнейших особенностей. <...> Лишенный гарантий, зависимый, всегда думающий о необходимости дать взятку предприниматель скорее займется торговлей, спекуляцией, финансовой аферой или ростовщичеством, то есть ликвидным бизнесом, чем станет вкладывать средства в долговременное дело. <...> Весь смысл *восточной чиновничьей* (курсив составителя. — *Прим. ред.*) приватизации только в том, чтобы в рамках существующей системы, сохраняя нераздельность власти и собственности и при доминировании первой, насытить непомерные аппетиты носителей власти. <...> «Истощенное государственниками» государство в конце концов рушится. Новый государь <...> вновь восстанавливает эффективность центральной власти. <...> Все повторяется[2].

[1] *Гайдар Е. Т.* Государство и эволюция / Ред. Е. Вьюник, худож. С. Стулов. М.: Евразия, 1995. С. 12.

[2] Там же. С. 13–16.

> До тех пор, пока не сломана традиция восточного государства, невозможно говорить о *вмешательстве* (курсив составителя. — *Прим. ред.*). Не «вмешательство», а *полное подавление* (курсив составителя. — *Прим. ред.*) — вот на что запрограммировано государство такого типа[1].

К началу 1990-х он уже понял, что «СССР был, по своим основным сущностным характеристикам, „восточной деспотией“».

Из исторического обзора Гайдар делает политический вывод: «Результат известен — экономическая стагнация, эволюция России в направлении ядерной державы „третьего мира“. Вот именно против превращения нашей экономики — на новом уровне — в экономику, описываемую как „восточный способ производства“, в экономику „восточного государства“ мы категорически возражаем, боремся»[2].

* * *

Книга «Аномалии экономического роста» (издательство «Евразия», 1997) важна для понимания подхода Егора Гайдара к анализу различных экономических и политических систем. Эта книга идейно выросла из его мало кем прочитанной и недооцененной работы «Экономические реформы и иерархические структуры», написанной на основе его докторской диссертации (1990), в которой он описывает важнейшую роль неформальных «иерархических структур» в реальной социалистической экономике и политике распределения ресурсов.

В публикуемой нами четвертой главе «Аномалий» он проводит интереснейшее статистическое сопоставление развития советской и китайской социалистических экономик, анализирует экономические параметры и политические

[1] *Гайдар Е. Т.* Государство и эволюция. С. 41.

[2] Там же. С. 41–42.

возможности и ограничения, имевшиеся у руководства обеих стран: у СССР в 1920–1930-х, у Китая в 1950–1960-х годах.

Гайдар показывает, что Китай к началу своего экономического рывка сохранил ресурсы (прежде всего демографические) в традиционном аграрном секторе экономики, что дало ему возможности для неостановимого развития с конца 1980-х. Насильственно урбанизированный СССР с его обезлюдевшим в результате жесточайшей коллективизации и последовавшей войны деревенским миром к тому времени уже не имел этих возможностей. Когда Гайдара спрашивали, почему бы России не пойти китайским путем, он отшучивался: «Где нам взять столько китайцев?» Теперь шутка кажется не такой смешной.

* * *

Поставленные в один ряд, статьи показывают целостное мировоззрение Егора Гайдара, хорошо изучившего циклическую традицию государственнического «русского европеизма» («Правительство у нас единственный европеец» [Пушкин][1]), идущую со времен Петра I, через Воронцовых, Карамзина, Сперанского, Лорис-Меликова, Милютина, Валуева, Витте, Мартенса и других просвещенных российских государственных деятелей.

[1] Михаил Маяцкий отмечает: «Пассаж (точнее, его перевод, так как письмо было написано по-французски) полностью выглядит так: „Что надо было сказать и что вы сказали, это то, что наше современное общество столь же презренно, сколь глупо; что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью, правом и истиной, ко всему, что не является необходимостью. Это циничное презрение к мысли и к достоинству человека. Надо было прибавить (не в качестве уступки, но как правду), что правительство все еще единственный европеец в России [estencore le seul Européen de la Russie]. И сколь бы грубо и цинично оно ни было, от него зависело бы стать сто крат хуже. Никто не обратил бы на это ни малейшего внимания“. Смысл этого отрывка — не совсем в восхвалении правительства, героически пытающегося вести косное общество по пути модернизации, а в критике ничтожного „гражданского общества“, рядом с которым правительство еще и выглядит вполне европейским» (*Маяцкий М.* Первый европеец и последний азиат // Вестник Европы. 2021. Т. 56. С. 91).

Гайдар видит перспективы России на пути мирного сотрудничества и возвращения в глобальную экономику и политику на равных правах с другими развитыми странами мира; он не устает напоминать, что это возможно лишь при становлении полноценного гражданского общества.

При этом Гайдар видит и анализирует проблемы западных стран, прежде всего в области государственных расходов, социальных обязательств, связанных с возможностями экономического роста, миграционных процессов; он реалистически оценивает перспективы и ограничения возможного сближения с ЕС и НАТО (в те годы властные элиты России были увлечены этой идеей).

В последние годы жизни он был одним из значимых мировых экспертов, общественных переговорщиков, летал по всему миру, убеждая политические и интеллектуальные круги серьезно относиться в том числе и к хрупкости российской демократии, не способствовать возможному реваншу неуклюжими действиями, самодовольными заявлениями о «победе Запада» в холодной войне, учитывать опасения (пусть даже и чрезмерные) российских военно-политических кругов. Убеждал быть осторожными в принятии решений, которые могут сломать прежде всего внутренний позитивный консенсус в России, направленный на демократическое развитие в демократическом мире.

Гайдар считал, что неокрепшему российскому демократическому строю нужна внешняя поддержка со стороны мира. Но мир был разным и противоречивым, он никак не представлял собой целостного, ответственного, мудрого партнера. Невызревшие российские элиты до поры не понимали этого, а когда начали понимать, почувствовали себя обиженными.

* * *

Егор Гайдар, книгочей, прочел множество умных книг; обладая строгим и точным стилем, считал, что литературными

достоинствами обделен; знал за собой экономизм, неполное знание (у кого оно полное?) цивилизационных и культурных компонентов; религии, вообще чувства метафизического и иррационального. Теперь книги его надо перечитывать и искать в них то, что относится в будущее. Книги он писал для тех, кто когда-нибудь все-таки попытается его понять. Зачем-то он торопился писать их — одну за другой. Иногда получалось так, что одна книга не кончалась, но зарождалась другая, выталкивая предыдущую на край стола, но никогда не вытесняя полностью.

«Долгое время», как он написал в предисловии, должно было составить как минимум два, а то и все три тома. Не составило. В его кабинете осталось много наработок для второго тома.

* * *

В жизни он был человеком очень строгой морали, до щепетильности внимательным в отношениях и высказываниях, а в своей научной деятельности этику как объект рассмотрения не включал. Приступив к монументальному описанию мировой экономической и политико-социальной истории, он избегал использования нравственных категорий. Кровавые пертурбации революций — английской, французской, русской — он описывает с холодком летописца, не давая оценок, только приводя факты и свидетельства, но при этом подразумевая, что кровь, голод, бессудные казни — это однозначно плохо, это абсолютное зло. Моральные оценки в книгах и решениях Гайдара растворены в ткани строгих фактов и логических умозаключений. Однако они оказываются субстанцией, объединяющей разнородные факты в единую историческую экономико-социальную концепцию, не лишенную нравственных ограничений.

* * *

В последние годы он изучал смуты. Смута, как заразная социальная болезнь, пугала его. Летом 2009 года, за четыре

месяца до смерти, Гайдар прислал в редакцию «Вестника Европы» новую статью.

Она была опубликована под названием «Очерки смутных времен», а книга вышла под названием «Смуты и институты».

Почему, к чему он вообще написал эту работу, сжатый очерк мировых катаклизмов, смут и революций? Я спросил его об этом, и он прислал вступление к статье:

> Когда общество уже пережило трудные времена и мучительно выздоравливает, в недрах его вызревает сначала подсознательное, а затем и рациональное стремление забыть прошлое. Или сконструировать вместо него что-то удобное и духоподъемное, как утренняя физзарядка в советское время... Ну а если трудные времена наступают снова? Прошлое актуализируется, начинается поиск виноватых, но не в настоящем, а в минувшем, оживают старые фобии, предубеждения, страхи. Вчера еще стабильное представляется шатким и ненадежным. Не уроки прошлого вспоминаются нам, а тени бывших врагов; былые страхи предлагаются в новой упаковке, и страшное для русского общественного сознания слово «смута» опасно наполняется содержанием[1].

В книге, которая печаталась параллельно, нет этого вступления, а жаль. Гайдар обращает внимание читателя на «почти полное отсутствие у последователей институциональной школы серьезных работ, посвященных не эволюции институтов, а их краху в период смут и революций».

Свою краткую работу, которую он планировал продолжить, Гайдар посвятил именно этому мировому феномену: распаду государств, процессу деинституционализации, деградации. То, что обобщенно называл «коррупцией» Адам Фергюсон, ровесник и друг Адама Смита.

[1] *Гайдар Е. Т.* Очерки смутных времен // Вестник Европы. 2009. Т. XXV. С. 30.

У него был опыт выхода из постсоветской разрухи. Память о распаде Югославии, свежие впечатления от посещения Ирака вскоре после падения режима Хусейна. Это знание помогло ему написать: «Те, кто вырабатывал американскую политику, не жили в деинституционализированном обществе. Они знали, что режим аморален; они его уничтожили, разрушили институты, включая армию и полицию. Они просто не могли оценить последствия реализации своих планов»[1].

Гайдар лучше других знал, по какому хрупкому краю пропасти прошла страна. Обращаясь к истории, он понял, что периоды «деинституционализации» — не уникальная российская специфика, что «обнаруживается сходность, даже общность происходившего в странах с различающимися традициями и уровнями развития»[2]. Гайдар делает вывод, похожий на диагноз: «Смута — социальная болезнь, сопоставимая по последствиям с голодом, крупномасштабными эпидемиями, войнами»[3].

Он считал, что в России было два периода, связанных с радикальной деинституционализацией: в 1917–1921 годах и в конце 1980-х — начале 1990-х годов.

«Современная экономическая теория, — писал Е. Гайдар, — основывается на представлении, что организацию экономической жизни обеспечивают *институты*, правила, определяющие отношения между людьми, государством, организациями. <...> Институты — это привычные нормы поведения. Стабильность — залог их эффективности. <...> Сочетание стабильности и гибкости, риски, связанные с „делегитимацией“ традиций, — ключевой вопрос в анализе взаимосвязи институтов и экономического роста»[4].

[1] *Гайдар Е. Т.* Смуты и институты // *Гайдар Е. Т.* Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 2009. С. 12.

[2] Там же. С. 13.

[3] Там же.

[4] *Гайдар Е. Т.* Очерки смутных времен // Вестник Европы. 2009. Т. XXV. С. 44.

Приводя панораму гибели различных режимов, империй и царств, Гайдар делает вывод: «Предсказать крах сложившихся институтов трудно»[1]. Но крах происходит в одночасье, стремительно и безостановочно.

Предвестники таких катаклизмов по Гайдару — сокращение доходов бюджета, невыплата довольства в армии. Аргумент, что «так было всегда», не работает. Рано или поздно традиция вдруг рушится. Жизнь во время смуты непривычна, тяжела и опасна, пишет Гайдар. Отсюда мечты о восстановлении старых порядков. Подход вполне операциональный — революция происходит тогда, когда у власти не оказывается под рукой одного верного полка[2]. Предпосылка устойчивости режима — монополия на применение насилия, способность власти подавить беспорядки. «Власть всегда переоценивает эту способность. Но она не беспредельна. И армия, и полиция набраны из народа»[3].

Вглядываясь в опыт начала 1990-х годов, Гайдар пишет, что «когда народ выходит на улицу, силовики растворяются. Так было всегда. В подобных обстоятельствах чаще всего не исполняются ничьи приказы»[4].

Отсутствие реального представительства тех, кто платит налоги, содержит государство, — предпосылка будущей смуты. Лидеры Французской революции то отменяли талью (прямой налог), то реквизировали хлеб у крестьян, вводили регулируемые цены, хлебные карточки, без устали работала гильотина — но эффекта это не дало. Гайдар афористично определяет, чем отличаются смуты от революций: «Смуты заканчиваются восстановлением традиционных институтов, а в ходе революций укореняются новые»[5].

[1] *Гайдар Е. Т.* Очерки смутных времен. С. 31.

[2] Там же. С. 37.

[3] Там же. С. 44.

[4] *Гайдар Е. Т.* Смуты и институты. С. 31.

[5] Там же. С. 37.

Он любил повторять эпиграмму поэта XVI века Джона Харингтона, в звонком, всем знакомом переводе Маршака:

> Мятеж не может кончиться удачей,
> в противном случае его зовут иначе.

Оказывается, это вполне научная формула.

Постояв на рулевом мостике России в самый драматический период ее истории, Гайдар на всю жизнь понял, как хрупка и уязвима незыблемая, казалось бы, громада любого государства.

Общество, государство, вся сложнейшая техносфера зиждется на писаных и неписаных, невидимых и нефизических нормах и установлениях, на молчаливом согласии между миллионами людей. Не будет этого — и страна погрузится в кровавый хаос, государство исчезнет и на пространствах бывшего великого государства вступят в борьбу и начнут определять судьбы истории самозваные и, порой, случайные силы.

«Цивилизация — хрупкая конструкция, — пишет Гайдар, — ее невозможно сохранить, если в города не поступает продовольствие, не обеспечен элементарный порядок, армия не способна защитить территорию, нет ресурсов для ее содержания»[1]. «Но бывает, что нужно действовать, когда страна банкрот, у правительства нет в распоряжении ни одного боеспособного полка, готового исполнить приказ, не существует ни государственной, ни таможенной границы, нет единой системы правосудия, а в крупных городах для снабжения населения хватит хлеба на несколько дней. Когда государство не способно выполнять свои базовые функции, а его экономическая система устроена так, что может функционировать лишь при всевластии государства»[2].

Жестко централизованное государство с трудом реагирует на множество возмущений. В период смуты, безвластия

[1] Там же. С. 38.

[2] *Гайдар Е. Т.* Очерки смутных времен // Вестник Европы. 2009. Т. XXV. С. 45.

понятие собственности теряет всякий смысл. Собственность — это институт, базирующийся на целой системе установлений.

* * *

Гайдар был человеком, твердо стоящим на почве уважения к основным приоритетам человеческого существования, убежденным, что жизнь лучше, чем смерть, хотя для него лично существовали ценности поважнее собственной жизни... Он был готов отдать все, чтобы Россия избежала третьей смуты.

Списки изученной им литературы огромны; его сноски читаются как произведение особого жанра. Это часто сжатые комментарии, излагающие самую суть описываемой автором проблемы. Поэтому мы даем эти сноски целиком, как они публиковались в разных журналах.

В конце книги мы помещаем несколько отрывков из его интервью, связанных с темой нашего сборника — цивилизационным выбором; в них зафиксированы его часто спонтанные, но всегда аргументированные ответы.

По-настоящему Гайдар все еще не прочитан обществом. После его ухода выросло целое поколение, не усвоившее привычку читать. В других странах его вообще мало кто читал, хотя важнейшие книги переводили на многие языки.

Экономист по образованию и социолог по подходу к сложным комплексным проблемам реального мира, он в последние годы своей жизни все большее значение придавал институтам, к которым относил прежде всего религию, ценности, традиции, укорененность народных представлений о праве и справедливости, — одним словом, культуре. Эта книга поможет читателю понять, что за человек был ученый, политик, реформатор Егор Гайдар и какими видел в разные годы своей короткой (53 года) жизни шансы на успех.

Виктор Ярошенко
Фонд Егора Гайдара

Раздел I. Восток и Запад

NB. Значительную часть этого сборника составляют публикации Егора Гайдара из журнала «Вестник Европы». И это не случайно. Он стоял у истоков идеи возобновления знаменитого русского журнала, основанного Н. М. Карамзиным в 1802 году.

Вместе с Е. Ю. Гениевой и мной (В. А. Ярошенко. — *Прим. ред.*) он стал учредителем нового журнала и одним из самых активных его авторов. При жизни он опубликовал здесь 16 статей.

Я был одним из первых читателей и редактором почти всех его книг, первым издателем работ «Государство и эволюция» и «Аномалии экономического роста» — первого двухтомника его произведений. Поэтому я хорошо вижу, как идеи, впервые высказанные в ранней маленькой книжке «Государство и эволюция», были развиты в фундаментальной монографии «Долгое время». Кстати, Егор Гайдар до последнего момента искал ей название, что видно по публикации в журнале, где блестящий очерк цивилизационного развития Европы публикуется еще под заглавием «Долгая история».

Мы включили в этот сборник первую главу из книги «Государство и эволюция» — «Две цивилизации». Эта глава важна для понимания идейного ядра мировоззрения Гайдара.

ДВЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

NB. «Две цивилизации» — первая глава книги «Государство и эволюция»[1], написанной Е. Т. Гайдаром в отпуске, в августе–сентябре 1994 года.

То было время некоторого затишья. Гайдар работал депутатом Первой Государственной думы РФ, был руководителем фракции от движения «Выбор России».

Весной 1994 года стало ясно, что Первая Дума[2] оказалась рыхлой и не готовой к серьезной законотворческой работе.

Ее сотрясали экзотические скандалы, тем более что заседания в прямом эфире продолжали показывать по телевидению, как было заведено еще при Горбачеве. С весны 1994 года Гайдар, лидер думской фракции «Выбор России», много времени уделял политическому процессу. Было принято коллективное решение — создать новую политическую партию. 12–13 июня 1994 года прошел Учредительный съезд партии «Демократический выбор России», на котором Гайдар ожидаемо был избран председателем. Многие его соратники продолжали работать в правительстве В. С. Черномырдина, что сильно ограничивало для Гайдара свободу политических действий. Летом Дума была распущена на каникулы, и у Егора

[1] *Гайдар Е. Т.* Государство и эволюция.

В предисловии автор благодарит близких людей и единомышленников, «прежде всего моего отца Тимура Аркадиевича Гайдара». Книгу Егор посвятил памяти незадолго умершего публициста Василия Илларионовича Селюнина.

На обложке первого издания по предложению автора мы поместили работу Казимира Малевича «Красная конница». (Я был директором издательства «Евразия», выпустившего книгу тиражом 25 тысяч экземпляров.) Из этой маленькой книжки вышли через десятилетие и две фундаментальные работы Гайдара: «Долгое время» и «Гибель империи». — *Прим. составителя.*

[2] Первая Государственная дума РФ была «переходной», избранной в декабре 1993 года на два года (что было, как скоро стало ясно, большой ошибкой ельцинской администрации, вызванной стрессом октябрьских событий. — *Прим. составителя*).

Тимуровича появилась возможность вернуться к давно задуманной работе. В предисловии к книге «Государство и эволюция» он писал:

> У меня давно назрела потребность осмыслить конкретные, в том числе и тактические, вопросы нашей сегодняшней политической жизни *в более общем контексте как русской, так и мировой истории* (курсив составителя. — *Прим. ред.*). Какие существенные проблемы, какие социальные инварианты стоят за быстро меняющейся поверхностью политических явлений?[1]

Название книги конечно же не случайное, здесь прямая полемика с Лениным.

Гайдар, в отличие от Ленина, считает революции не очистительной бурей, а глубоким дисфункциональным нарушением деятельности государства, разрушающим его основные институты.

Запад есть Запад, Восток есть Восток,
не встретиться им никогда.
Р. Киплинг[2]

1

Отшумели горячие споры 1987–1991 годов. Сегодня мы понимаем, что противопоставление капитализма социализму не является достаточно полным определением нашей исторической коллизии. Необходимо было громко и недвусмысленно заявить, что с социализмом в России покончено навсегда, что наше будущее — на путях рыночной экономики, но ограничиться этим нельзя.

[1] *Гайдар Е. Т.* Государство и эволюция. С. 5.

[2] *Киплинг Р.* Баллада о Востоке и Западе // *Киплинг Р.* Избранное. Л., 1980. С. 460.

<....> Сам по себе отказ от социализма еще не гарантирует ни экономического процветания, ни достойных условий жизни, на что надеялись многие в 1990 году, наивно полагая, что достаточно поменять фетиши и можно почти задаром, только за отказ от «коммунистического первородства», получить «капиталистическую похлебку», обменять «Капитал» на капитал. Но в странах «третьего мира» людей живет куда больше, чем в странах «первого мира», а из нашего бывшего «второго мира» ворота открыты как в один — с его процветанием, так и в другой — с удручающей нищетой. На этот простой и очевидный факт постоянно ссылаются «патриоты», коммунисты и другие критики капитализма. Вот только рецепт — что делать, чтобы страна не опустилась до уровня «третьего мира», чтобы по экономическому и социальному развитию Россия прочно заняла место в «первом мире», — они выписывают, как говорится, с точностью до наоборот.

* * *

Важнейшая для нас сегодня историческая дилемма может рассматриваться как традиционное противопоставление «Восток — Запад». Это одна из главных дихотомий мировой истории, по крайней мере до пробуждения Азии в конце XIX века. С тех пор многие страны Востока (в том числе и самого дальнего) стали умело использовать принципы западной социальной системы. И именно эти страны, как известно, добились наибольшего процветания.

Видный представитель западной философии истории А. Тойнби в своем фундаментальном анализе всемирно-исторического процесса[1] выделял 21 цивилизацию в истории человечества, из которых под категорию «западная» подпадают лишь два. Однако, опираясь на данную им классификацию,

[1] См.: *Тойнби А.* Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. С. 77–79.

остальные 19 цивилизаций нельзя признать «восточными». Разумеется, я ни в малейшей степени не претендую на попытку подобного описания. Те ключевые признаки, системообразующие факторы, которые я буду использовать ниже, говоря о западных и восточных цивилизациях, имеют более локальный характер. Пусть их недостаточно для объяснения всего многообразия исторических феноменов, но они необходимы для определения стратегических путей развития российского общества и государства.

Прежде всего я воспользуюсь актуальными до сих пор характеристиками Маркса, сделанными им при анализе «азиатского способа производства», потому что эти характеристики, к сожалению, имеют слишком близкое отношение к социально-экономическим реалиям нашей страны. Сам анализ Маркса опирался на мощные, идущие с XV века европейские традиции осуждения «восточного деспотизма» и осознания себя в противостоянии с Востоком. «Ключ к восточному небу» Маркс видел в отсутствии там частной собственности. «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит... производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты... Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»[1].

Земельная собственность — основа основ всех отношений собственности. Отсутствие полноценной частной собствен-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Капитал: Критика политической экономии. Т. 3 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1962. С. 354.

ности, нераздельность собственности и административной власти при несомненном доминировании последней, властные отношения как всеобщий эквивалент, как мера любых социальных отношений, экономическое и политическое господство бюрократии (часто принимающее деспотические формы) — вот определяющие черты восточных обществ. Подобные черты присущи странам «третьего мира» даже сегодня. Именно они прежде всего являются причиной отсталости и застойной бедности. Они же являются и залогом того, что эта отсталость и бедность будут сохраняться, воспроизводиться, усугубляться и далее.

Такое положение дел имеет в своей основе глубокие объективные исторические причины.

Всему бесконечно разнообразному неевропейскому Древнему миру и Средневековью чужды четкие гарантии частной собственности и прав граждан, а также подчинение государства обществу. Частную собственность, рынок государство терпит, но не более. Они всегда под подозрением, под жестким контролем и опекой всевидящего бюрократического аппарата. Поборы, конфискации, ущемление в социальном статусе, ограничение престижного потребления — вот судьба даже богатого частного собственника в восточных деспотиях, если он не связан неразрывно с властью. Именно власть здесь главное: она и ключ к тому, чтобы, когда позволят обстоятельства, поднажиться, и она же — единственно надежная гарантия против конфискации. Потеряешь должность — отнимут состояние. Собственность — вечная добыча власти. А власть вечно занята добыванием для себя собственности, в основном за счет передела уже имеющейся.

Кодексы восточных империй — обычно длинные и подробные перечни обязанностей подданных перед государством, своды административных ограничений их жизненной и хозяйственной деятельности, в которые вкраплены немногочисленные права собственника.

«Сильное государство — слабый народ» — принцип легиста и реформатора Шан Яна[1] — концентрированное воплощение идеала восточных государств. Но слабость народа губительно сказывается и на государстве. Прежде всего это происходит в силу ряда важнейших особенностей системы, при которой собственность и власть неразделимы, причем власть первична, а собственность вторична.

Во-первых, отсутствуют действенные стимулы для производственной, экономической деятельности. Лишенный гарантий, зависимый, всегда думающий о необходимости дать взятку предприниматель скорее займется торговлей, спекуляцией, финансовой аферой или ростовщичеством, то есть ликвидным, дающим быструю отдачу бизнесом, чем станет вкладывать средства в долговременное дело. Что касается главного собственника — чиновника, то его собственническая позиция является чисто паразитической, а организация сложной экономической деятельности находится вообще за пределами его компетенции и интересов.

Отсюда застойная, постоянно воспроизводящаяся бедность, отсюда же и необходимость мобилизационной экономики, которая, не имея стимулов к саморазвитию, двигается только волевыми толчками сверху. Движение, которое вечно буксует и, предоставленное само себе, мгновенно замирает. Чтобы возобновить процесс, необходимо опять всемерное усиление государства, разумеется, опять за счет ограбления частного сектора.

Во-вторых, крупные переделы собственности становятся практически неизбежными вместе с политическими кризисами, сменами власти — ведь собственность в определенном смысле есть лишь атрибут власти. Получив власть, спешат

[1] Шан Ян — ученый и политический деятель, наиболее известный представитель легистов Древнего Китая, сформулировал основные положения Фацзя — философской школы законников; автор легистского канона «Книга правителя области Шан».

захватить эквивалентную чину собственность. Если значительной собственностью нельзя завладеть, не занимая сильных властных позиций, то именно запах собственности стимулирует политические катаклизмы. Все новые и новые властные группы и отдельные лидеры готовы штурмовать власть (в том числе и по горам трупов), преследуя не столько политические, государственные цели, сколько цели грубо меркантильные, прикрытые той или иной формой демагогии.

Отношения собственности становятся такими же нестабильными, как и политические. Власть оказывается привлекательной вдвойне: и как собственно власть, и как единственный надежный источник богатства, комфорта. Политические кризисы превращаются в страшные разломы всей социально-имущественной структуры общества. Все это в совокупности опять же не дает обществу развиваться, гоняет его по кругу застойной бедности. А чем беднее общество, тем сильнее стремятся к богатству его лидеры.

В-третьих, само мощное государство на поверку изнутри оказывается слабым, трухлявым. Его разъедают носители государственности — чиновники, не прекращающие охоту за собственностью.

Обычная коррупция быстро приводит к формированию значительных состояний. Чиновники интуитивно стараются стабилизировать свое положение, конвертировать свою власть в собственность. Предоставленные за службу наделы наследуются, затем начинают продаваться. Чуть ослабнет власть — назначенный воевода начинает вести себя как независимый князь. Земля, формально государственная, доходы от которой должны обеспечивать государственные нужды, на деле продается и покупается, концентрируется у богатых чиновников.

«Государство — это я» — формула, по которой развивается чиновничья приватизация. Собирать налоги в свой карман, пользоваться государственным имуществом как своим — вот их формула приватизации.

Такая приватизация, естественно, разлагает, ослабляет государство, но отнюдь не меняет его тип. Чиновники и после приватизации остаются чиновниками. Они и не думают «отделяться от государства», прихватив свою собственность. Весь смысл восточной чиновничьей приватизации только в том, чтобы в рамках существующей системы, сохраняя нераздельность власти и собственности при доминировании первой, насытить непомерные аппетиты носителей власти.

В рамках такой «перестройки» существующей системы не происходит формирования института настоящей легитимной частной собственности. Происходит лишь дележ разграбленной государственной собственности государственными чиновниками. Замкнутый круг, в котором вращается восточная цивилизация, не разрывается, начинается новый виток.

Истощенное — государственниками — государство в конце концов рушится. Новый государь — один из соперничающих сановников, или вождь крестьянского восстания, или соседзавоеватель, или кочевник — вновь восстанавливает эффективность централизованной власти, перераспределяет частные земли, ужесточает контроль за землепользованием. На места покоренных вассалов приходят назначенные начальники. Доходы государства растут. А через пару поколений чиновники вновь начинают приватизировать государственную собственность. Все повторяется.

Конечно, ярче всего такой династический цикл виден в истории Китая. Но его нетрудно найти и в Египте, и в государствах Средней и Западной Азии.

Для предпринимателя, частного собственника этот повторяющийся цикл не оставляет надежд. В период укрепления империи он под мощным контролем и подозрением, под вечным риском конфискации. Ослабление империи открывает дорогу хаосу, междоусобицам, разбоям, чужеземным завоеваниям, когда ничего не гарантировано. В период своей мощи восточная деспотия опасна, при ослаблении — невыносима.

Само понятие реформ в неевропейской древности неразрывно связано с новым возрождением одряхлевшего в предыдущий период государства, но на старых основаниях: ужесточение контроля за земельной собственностью, повышение эффективности бюрократической машины, нажим на группы, не поглощаемые государством, то есть на знать, частных собственников.

В истории восточные общества возникли за много тысяч лет до западных. Отношения власти реально являются важнейшими для упорядочивания ситуации в любом человеческом общежитии, начиная с племени. Отношения власти и подчинения возникают раньше, чем накапливается собственность, чем формируется система отношений собственности. Исторически власть первична по отношению к собственности. Само накопление собственности становится возможным во многом благодаря тому, что власть структурирует, организует человеческую общность и ее деятельность. Естественно, что затем отношения собственности начинают размещаться внутри уже сложившейся «матрицы власти».

Твердо подчиняя собственность власти, восточные общества (не отдельные законы, не династии, а базовая социально-экономическая структура этих обществ) остаются в высокой мере стабильными. Бурные метаморфозы в них начались, пожалуй, лишь в конце XIX и в XX веке, в процессе массированного взаимопроникновения разных типов цивилизаций.

2

Западная система отпочковалась от обществ восточного типа во второй трети 1-го тысячелетия до н. э. в Греции. Возникновение этой системы характеризуется как «греческое чудо» и остается неразгаданной загадкой. Известный исследователь Востока Л. Васильев пишет: «Трудно сказать, что явилось причиной архаической революции, которую смело

можно уподобить своего рода социальной мутации, ибо во всей истории человечества она была единственной и потому уникальной по характеру и результатам»[1].

Лишь в XIX веке «Запад» и «Восток» по-настоящему встретились. Эта встреча показала преимущества западной системы: экспансия в самых разных формах шла с запада на восток и никогда в обратном направлении (пока Япония и другие восточные драконы не ассимилировали важнейшие элементы западной системы настолько успешно, что смогли вступить в конкуренцию с наиболее развитыми странами Запада).

В чем же главный смысл «западной мутации»? О нем мы можем судить хотя бы по позднейшей рефлексии западных исследователей, с изумлением констатировавших отсутствие на Востоке такого краеугольного элемента западной системы, как разработанное понятие свободной от государства частной собственности, прежде всего земельной. Значит, главное в «греческой мутации» то, что отделило ее от восточной прародительницы, — изменение отношений собственности, возникновение развитой системы частной собственности, легитимной юридически и социально-психологически, все более независимой от государства. Частная собственность впервые стала действительно частной, перестав быть одним из атрибутов власти[2]. Позднее отношения частной собственности превратились в нечто самоочевидное, и уже стало казаться

[1] *Васильев Л. С.* История Востока: В 2 т. Т. 1. М.: Высшая школа, 1993. С. 17.

[2] Описывая этот процесс, Л. Васильев отмечает: «Одно несомненно: главным итогом трансформации структуры (традиционных обществ в античной Греции. — *Е.Г.*) был выход на передний план почти неизвестных или по крайней мере слаборазвитых в то время во всем остальном мире частнособственнических отношений, особенно в сочетании с господством частного товарного производства, ориентированного преимущественно на рынок, с эксплуатацией частных рабов (то есть рабов, принадлежащих не государству, а частным лицам. — *Е.Г.*) при отсутствии сильной централизованной власти и при самоуправлении общины, города-государства (полиса). После реформ Солона (начало VI в. до н. э.) в античной Греции возникла структура, опирающаяся на частную собственность, чего не было более нигде в мире» (*Васильев Л. С.* История Востока. С. 6).

удивительным то, насколько слабо они представлены в восточных обществах.

В результате постепенно сложилась система, где само государство — не повелитель, а инструмент в руках полиса. Права гражданина, не подлежащие сомнению, — аксиома. Разумеется, и Греция, и Рим видели немало тиранов, насилия, произвольных конфискаций, но все это уже как поверхностные волны над мощным пластом укоренившихся частноправовых отношений. То, что в восточном мире — естественное право, обязанность власти, здесь — нетерпимая тирания и произвол.

Даже когда Римская империя погибла и завоевавшие ее варвары смешали всю систему сложившихся отношений собственности, частного права, разрушили развитые социальные, административные институты, принеся на остриях своих мечей традиционно восточные социальные установления, античное социальное наследие не исчезло бесследно, а сохранилось (хотя бы в виде ментальной традиции) и затем медленно, упорно модифицировало феодальные установления, право, усиливало процессы приватизации, обеспечивая их идеологическую базу.

Феодальная система, сформировавшаяся в Европе на обломках античной империи, в отличие от нее не заключала в себе ничего уникального для мировой социальной практики. Тенденция к феодализации при ослаблении централизованной власти — хорошо известная черта древних государств. Если мощной централизованной бюрократии не существует, земли дробятся на уделы воинами. Последние стремятся превратить условные владения в полные. Традиция им в этом помогает. Назначенные управлять областями князья обретают независимость, право наследования. Община рядом с замком рыцаря имеет защиту от разбойников. Он скорее поможет, чем далекий король со своей армией.

Частной собственности на землю в римском или современном смысле этого слова в Средние века нет и быть не может.

Землю считают своей, имеют на нее пересекающиеся права и король, и граф, и рыцарь, и крестьяне. Похожие структуры можно найти и в Китае периодов Чуньцю[1] и Троецарствия[2], и в Японии при Фудзиваре[3], и во многих других регионах и эпохах.

Что здесь действительно выделяет Европу, так это многовековая стабильность феодальной системы, а также многовековая «слабость» (гибкость) государственной власти.

С X века, после того как в Западной Европе улеглась последняя крупная волна смуты и перемещений, связанная с завоеваниями венгров, арабов и викингов, на протяжении столетий здесь сохранялись раздробленность государственного устройства и устойчивые феодальные отношения. Проносились династические войны, сшибались отряды королей и феодальных баронов, но это были не глобальные потрясения, они не рвали из социальной почвы корни, срезались только верхушки. Побежденных не вырезали поголовно, не уводили в плен. Войны не требовали максимального напряжения всех сил общества, его полного подчинения государству ради выживания нации, не приводили к необходимости концентрации в руках короны прав земельной собственности.

Обобщая, можно сказать, что политические потрясения на Западе в значительно меньшей степени, чем на Востоке, вели к глобальным сменам целых слоев собственников, ко все новым перекраиваниям собственности.

Одна феодальная семья нередко распоряжается одними и теми же землями и в X, и в XV веках. Феодал XIII века по своей психологии и поведению уже не разбойник, не едва

[1] Чуньцю — период (722–481 до н. э.) эпохи Джоу в Китае. Характеризовался междоусобной борьбой между царствами, возникшими на базе раннеджоуских уделов.

[2] Троецарствие — период в истории Китая (220–280), получивший название по числу трех царств (Вэй, У и Шу), образовавшихся после распада в 220 году империи Хань. Отмечен борьбой между царствами.

[3] Фудзивара — аристократический клан, находившийся у власти в Японии в VII–XI веках.

севший на землю рэкетир IX века. Его семья веками связана с крестьянами совместной жизнью, укоренившимися привычками, обычаями, регламентирующими нормы крестьянских обязанностей, их права. Как отмечал Джон Стюарт Милль, «обычай — самый могущественный защитник слабых от сильных»[1]. Так складывается основа общества — чувство легитимности (нелегитимности) тех или иных действий человека и государства. Легитимность наполняет воздухом писаные законы, делает их не бумажными, а живыми и, соответственно, превращает нарушение закона в дело морально трудное и небезопасное. Не будь легитимности, общество действительно стало бы ареной войны всех против всех[2].

Отношения частной собственности в Европе оставались легитимными при всех потрясениях. Обычай не только хранитель старого, но и механизм трансформации земельных отношений. Если обязанности крестьян четко определены, то что может препятствовать замене натуральных обложений и отработки денежными выплатами, когда с постепенным восстановлением торговли европейская экономика теряет чисто натуральный характер? Государство не перераспределяет земли между феодалами. Претензии короны на роль верховного собственника земли вне королевского, частного домена со временем обесцениваются. Привычно разделены земли манора[3] на те, которыми распоряжаются крестьяне, и собственно сеньоральные. И там и там постепенно формируются традиции денежной аренды, удлиняются ее сроки. Общинная земельная собственность шаг за шагом отступает перед частной. Отношения «лорд–слуга» уступают место отношениям «землевладелец–арендатор».

[1] *Милль Дж. С.* Основы политической экономии. М.: Прогресс, 1980. С. 395.

[2] Афоризм английского философа Томаса Гоббса (1588–1679), по мнению которого государство возникло как результат договора между людьми, положившего конец естественному состоянию «войны всех против всех».

[3] Манор — феодальная вотчина средневековой Англии. Сложилась в XI–XII веках.

Уже в XIII веке в Англии фримены получают право продажи земли без согласия лорда. Обычай укореняется, на смену смешанному, феодальному праву на землю медленно идет частная земельная собственность.

Именно невсесильность европейского феодального государства — источник формирующейся вне его, рядом с ним сложной, дифференцированной структуры гражданского общества европейского Средневековья. Церковь не подчинена государству, ее мощные иерархические организации, уцелевшие с римских времен, существуют параллельно с ним, создавая альтернативные каналы социального продвижения, ограничивая произвол монарха.

Торговые города возникают под покровительством монарха или сеньора[1], под защитой укрепленных пунктов, но быстро обретают собственную жизнь, иерархию, развитое самоуправление. Они во многом непохожи на находящиеся под жестким присмотром государства современные им города Востока.

До этого через слой варварских обычаев то там, то сям лишь проступали прикрытые, но не уничтоженные институты Античности: римское право, частная собственность, гражданские права и свободы. Феодальное общество открывает их заново, когда в своей многовековой эволюции создает для них социальную базу.

Власть и собственность дифференцируются, расходятся, теряют свою неразрывность. Освященная традицией собственность уже не конфискуется по произволу, хозяин уже не теряет ее просто из-за того, что не занимает видного места в системе власти. Да и бурное развитие сферы частнопредпринимательской деятельности, в первую очередь торговли, создает иные, чем близость к власти, источники обогащения. Появление развитых рынков дает дополнительные гарантии

[1] Сеньор — в Западной Европе в Средние века феодальный земельный собственник (собственник сеньории), имеющий в подчинении зависимых крестьян (а часто и горожан).

против злоупотреблений властью, конфискаций. На отток капитала как на ограничитель произвола обращал внимание еще Ш. Монтескьё[1].

Обычай отделять собственность от места в структуре власти прокладывает дорогу усложнению социальной структуры, множественности иерархий, не поглощаемых государством. Как самостоятельные, но взаимосвязанные силы действуют само государство, наследственная аристократия, иерархия землепользователей, города и буржуазия, церковь. Именно в этой ситуации возникают предпосылки накопления наследственного богатства, формирования частных капиталов для развития[2].

Лучший стимул к инновациям, повышению эффективности производства — твердые гарантии частной собственности. Опираясь на них, Европа с XV века все увереннее становится на путь интенсивного экономического роста, обгоняющего увеличение населения.

3

Для нас особенно важно понять, какой была роль феодального государства в генезисе европейского капитализма.

Здесь можно выделить несколько моментов. Уже говорилось, что слабое государство — основа европейского социально-экономического прогресса. Но разве не государство

[1] *Монтескьё Ш. Л.* О духе законов // *Монтескьё Ш. Л.* Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955.

[2] Анализ этих предпосылок можно найти у Ф. Броделя: «Общество принимало предшествующие капитализму явления тогда, когда, будучи тем или иным образом иерархизировано, оно благоприятствовало долговечности генеалогических линий и того постоянного накопления, без которого ничего не стало бы возможным. Нужно было, чтобы наследства передавались, чтобы наследуемые имущества увеличивались; чтобы свободно заключались выгодные союзы; чтобы общество разделилось на группы, из которых какие-то будут господствующими или потенциально господствующими; чтобы оно было ступенчатым, где социальное возвышение было бы если и не легким, то по крайней мере возможным. Все это предполагало долгое, очень долгое предварительное вызревание» (*Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. С. 610).

должно гарантировать именно сохранение традиций, возможность мирного накопления из поколения в поколение? Разве не государство — гарант того, что не будет насильственного перераспределения собственности? Разве не государство — защитник как от внешних грабителей-завоевателей, так и от «своих» феодалов?

Как же возможно решение всех этих жизненно важных для общества задач без сверхмощного государства? (На примере Речи Посполитой хорошо видно, к какой национальной катастрофе может привести слабость государства.)

История недвусмысленно демонстрирует, чем оборачиваются для общества преимущества обладания сильным государством. На Востоке государство «защищало» общество, превратив его в свою часть, а точнее, просто не дав ему развиться, накрыв, зажав, придавив его своим панцирем.

Да, сильное, жесткое государство теоретически дает гарантию защиты прав собственности, защиты от других государств, от феодалов и т. д. Но платить за это приходится непомерно большую цену, ведь государство слишком сильный защитник. И оно не защищает собственника от самого страшного врага, наиболее могущественного, всепроникающего — от самого государства.

Общество должно было накопить сил для того, чтобы безбоязненно принять такого «защитника», как сильное государство. Общество с традициями (в том числе правовыми), с развитой социальной дифференциацией, с глубоко укоренившимся убеждением в независимости человека и его собственности от воли государства, с институтами, защищающими эту независимость, — такое общество было внутренне готово не сломаться под тяжелой рукой государства, а, наоборот, использовать в интересах своего развития силу государственной машины. Если государство, и только государство, делает собственность легитимной (дает ей законность, правовые основания), рынка не будет. Если легитимность собственности

не зависит от государства, если она первична по отношению к государству, то тогда само государство будет работать на рынок, станет его инструментом.

В Европе, где вопрос о физическом выживании этносов все-таки не стоял, сложилась уникальная ситуация — развитие общества стало обгонять развитие государства. Возникла элита (в том числе наследственная), ощущавшая свою независимость от государства, бывшая фундаментальной частью социальной системы, а не шестеренкой государственной машины.

В появлении сильных государств в Европе, где общество было к этому подготовлено, нет чуда предустановленной гармонии. Развитие общества, формирование рынка давали толчок интеграции наций, разрушали рыхлую феодальную структуру. Национальные государства вызревали из общества, а не надстраивались над ним, как гигантский идол. Так было в Англии и Франции в XVI–XVII, в Пруссии — в XVII–XVIII веках.

Экономическая политика европейских государств всегда была достаточно активной и лишь в редких случаях сводилась к чисто фискальным функциям. В каком-то смысле «государственный капитализм» характерен на Западе не столько для XX, сколько для XVII–XVIII веков, когда господствовала политика государственного меркантилизма, способствовавшая первоначальному накоплению: ведь государство вело активную торговую и колониальную политику (вплоть до войн), принимало непосредственное участие в создании Ост-Индских и Вест-Индских компаний в Англии и Франции, в строительстве флота (а в XIX веке — железных дорог), в становлении военной промышленности и т. д.

Но все эти государственные усилия шли не «поперек», а «вдоль» естественной линии развития, задававшейся рынком. Все эти усилия государства развертывались на заранее четко очерченном поле легитимной частной собственности, свободного рынка (хотя и ограниченного в ряде случаев

протекционистскими тарифами), разделения власти и собственности. Не входя «внутрь» частных владений, в пределах этих рамок государство работало на усиление капитализма, на его развитие, а не на подавление. Гибко приспосабливаясь к характеру рыночных отношений, европейские государства уменьшили степень своего влияния на экономику в XIX веке, когда частный капитал уже накопил достаточно сил для саморазвития.

Европейским западным обществам удалось найти самое эффективное в известной нам истории человечества решение главной задачи: оптимального соединения традиций и развития.

На Востоке реализуется ригидность и жесткость системы, которая время от времени кроваво ломается и восстанавливается в прежнем виде. На Западе — рост на базе традиций, рост, снимающий противоречия, позволяющий суммировать и материальные, и духовные итоги жизни предыдущих поколений.

Это не апологетика. Бесспорный успех западной системы вовсе не является для нас некой полной и абсолютной истиной и не заслоняет других граней происходящего. Потрясений и кризисов хватало и хватает и в западных обществах, развитие продолжается, и, возможно, за поворотом их ждут новые бури, о которых мы пока не догадываемся. Буржуазно-демократическая система включает множество очевидных недостатков, несправедливостей и во всяком случае не является «конечным выводом мудрости земной», каким-то «хеппи-эндом» человеческой истории. Капитализм, безусловно, не представляет собой воплощение некой «абсолютной идеи» всемирной истории. Вероятно, по мере интеграции человечества разовьются путем конфликтов и борьбы новые формы общества, новые межгосударственные, мировые формы общежития. О буржуазной демократии прекрасно сказано, что это самая худшая форма правления... не считая всех остальных.

Что же, действительно среди цивилизаций, функционирующих в последние века на исторической сцене, западная оказалась наиболее эффективной.

Наиболее опасный вызов, с которым столкнулся европейский капитализм в своем развитии, исходил изнутри его самого. Он был связан с медленно накапливавшимися в XVIII–XIX веках изменениями, которые под влиянием технических открытий и социально-политических перемен внезапно резко ускорились. И непривычно бурный прогресс нес в себе немалые опасности. Казалось, что европейский корабль сорвался с ясного курса, попал в шторм, что европейская история завертелась в гибельной «диалектической» ловушке. Об этом с грозным, «мефистофельским» торжеством писал Маркс: «Современное буржуазное общество... создавшее, как бы по волшебству, столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями»[1]. И далее еще более грозно, торжественно, диалектично: «Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть, она породила и людей, которые направят против нее это оружие, — современных рабочих, пролетариев»[2].

Как известно, Маркс в результате своего анализа капиталистического общества пришел к неверным выводам. Он считал, что буржуазные производственные отношения отстают от производительных сил. В действительности же бури, которые трясли Европу добрых 100 лет — с 1848 до 1945 года, — которые назывались «социализм», «коммунизм», «фашизм», «нацизм» и действительно угрожали несколько раз вырвать с корнем дерево европейской цивилизации, — эти бури имели совсем иную природу.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. С. 429.

[2] Там же. С. 430.